Щорс — на коне!

Виталий ***КОВАЛИНСКИЙ***

60 лет тому назад — 29 апреля 1954 г. — в Киеве на бульваре Т. Шевченко был открыт памятник герою гражданской войны Николаю Щорсу. До этого здесь в 1872—1922 гг. возвышалась статуя одного из пионеров отечественной свеклосахарной промышленности графа А. А. Бобринского (1800—1868).

Николай Александрович Щорс родился 25 мая 1895 г. в пос. Сновск (г. Щорс Черниговской обл.) в семье железнодорожника, выходца из белорусских крестьян. Окончил в Киеве военно-фельдшерскую школу (1914), в Полтаве прошел ускоренный курс Виленского военного училища (1916), получил звание подпоручика, участвовал в 1-й мировой войне. В конце 1917 г. недолгая военная карьера Щорса оборвалась — он заболел, говорили, туберкулезом и после недолгого лечения был в декабре комиссован как непригодный к службе.

В итоге Щорс возвратился в родной Сновск и в феврале 1918 г. создал здесь партизанский отряд, а в марте—апреле командовал объединенным отрядом Новозыбковского уезда, ведя бои с германскими интервентами. В мае—июле по заданию победившей партии занимался организацией партизанского движения в Самарской и Симбирской губ., в сентябре в районе железнодорожной станции Унечи (ныне г. Унеча Брянской обл.) сформировал из отдельных партизанских отрядов 1-й Украинский советский Богунский полк и командовал им в октябре—ноябре в боях с немцами. Потом были сражения за Чернигов, Киев, Фастов.

Весной 1918-го Щорс познакомился с Фрумой Ефимовной Хайкиной (1897—1977), а поздней осенью они поженились. Невеста родилась в г. Новозыбкове Черниговской губ. (с 1944 г. в составе Брянской обл.), поступила в 1918-м на службу в ЧК, возглавив местное подразделение в Унече, и была избрана членом Унечского ревкома.

Краевед города Клинцы (Брянская обл.) П. М. Храмченко в своей книге «Мои Клинцы», над которой он работал в 1970—1990 гг., писал: «После освобождения Клинцов от немцев и гайдамаков революционный порядок в посаде устанавливала жена Щорса — Фрума Хайкина. Это была решительная и смелая женщина. **Она разъезжала в седле на лошади, в кожаной куртке и кожаных штанах, с маузером на боку, который при случае пускала в дело. Ее называли в Клинцах «Хая в кожаных штанах».** Под ее началом выявили всех, кто сотрудничал с гайдамаками или сочувствовал им, а также бывших членов Союза Русского Народа, и расстреляли на Ореховке, на поляне за городским садом».

С 1919 г. Фрума Хайкина жила под партийным псевдонимом Ростова. Ее дочь от брака с Н. Щорсом — Валентина (1919—2005) родилась после рокового дня его гибели 30 августа. Впоследствии Валентина Николаевна вышла замуж за известного физика-теоретика академика Исаака Марковича Халатникова (р. 1919). Он вместе с Львом Ландау работал над созданием атомной бомбы, а она стала врачом, воспитывала двух дочерей.

5 февраля 1919 г. Щорс был назначен комендантом города Киева и пробыл в этой должности ровно месяц. 6 марта он принял командование 1-й Украинской советской дивизией, а с 21 августа возглавил 44-ю стрелковую дивизию, в которую влилась 1-я дивизия. Она упорно обороняла Коростенский железнодорожный узел, что обеспечило эвакуацию Киева, захваченного 31 августа войсками Деникина, и выход из окружения Южной группы 12-й армии.

1919 год начался для Советской Украины жестким бензиновым кризисом. Его запасы в распоряжении Совета Народного Хозяйства были совсем незначительны, новых поступлений не ожидалось, и потому Совет Народных Комиссаров УССР 4 февраля постановил: «Оставить весь запас бензина в распоряжении Угольного Отдела Совнархоза для работ в газовых шахтах. Автосекции предписывается немедленно перевести весь автомобильный транспорт на спирт».

Вероятно, это требование не было исполнено в полном объеме, и высшему органу власти — Всеукраинскому Центральному Исполнительному Комитету — пришлось пойти на исключительные меры. 14 апреля президиум ВУЦИК'а постановил: «Ввиду катастрофического положения с бензином предложить Совнаркому издать строгое постановление о полном прекращении езды на автомобилях, за исключением поездок чрезвычайной важности».

Командир дивизии Николай Щорс проявил при выполнении «автомобильных» постановлений правительства четкую дисциплину и бескомпромиссность. 20 мая 1919 г. он издал по Житомирскому гарнизону приказ такого содержания:

«Несмотря на острую нужду в горючем материале, который так трудно достать для необходимости обслуживания фронта, некоторые лица позволяют себе роскошь раскатываться на автомобилях с женщинами. Приказываю всем командирам частей дивизии заарестовывать автомобили с женщинами и препровождать в дивизию, где автомобиль подлежит конфискации авторотой, какому бы учреждению он ни принадлежал, а лица, изволившие ехать в нем с женщиной, аресту с доведением до сведения учреждения, которому принадлежит автомобиль».

Приказ начдива, подкрепленный подписью политкомиссара, подлежал безусловному исполнению. К тому же он, нет сомнения, пришелся по душе бывшим партизанам, составлявшим основу Богунского полка, а потом и дивизии Щорса. Но чем руководствовался начдив — человек молодой и вроде бы не женоненавистник — понять сложно. **Ведь в автомобиле вместо подозреваемой женщины легкого поведения, с которой должностное лицо «позволило себе роскошь разъезжать», могла быть просто соратница по партии и коллега по работе или же могла ехать руководящая особа женского пола.**

Приказываю заарестовывать автомобили с женщинами, автомобиль подлежит конфискации, а лица, изволившие ехать с женщиной, — аресту

По такому случаю никаких разъяснений не было, и вскоре после издания приказа патруль остановил в Житомире легковой автомобиль, в котором ехала член Волынского губисполкома товарищ Лесная. Ни предъявленное служебное удостоверение, ни пропуск на право езды, ни разъяснение, что ответственный работник-женщина едет по служебным делам, патруль не принял во внимание. Автомобиль был арестован и конфискован, как того требовал приказ.

Возмущенный действиями военных и «считая подобный приказ, распространяющийся на членов исполкома и вообще на женщин, занимающих ответственные должности, неправильным», Волынский губисполком 28 июня обратился к высшей власти. Рассмотрев жалобу, президиум ВУЦИК'а 7 июля 1919 г. предложил Реввоенсовету 12-й армии **«указать начальнику дивизии т. Щорсу на необходимость: а) перередактировать приказ, изданный за его подписью, об аресте автомобилей с проезжающими женщинами, б) распорядиться о возвращении автомобиля Волынскому губисполкому, имеющему разрешение президиума ВУЦИК на пользование автомобилем».**

В киевских архивах не найдено следов реагирования Щорса на указание переделать приказ. Может, бензин в Житомире вскоре нашелся — и запрещение ездить уже не имело значения. Или положение на фронте изменилось так, что было не до приказа. Впрочем, это лишь один из многих эпизодов, когда так называемая «революционная необходимость» брала верх над законностью. Хотя там, где речь идет о людях, мелочей не бывает, и вся эта история не идет в сравнение с нераскрытой тайной гибели Щорса.

Официально было сообщено, что красный командир погиб в бою с петлюровцами около села Белошица под Коростенем. Но в действительности, согласно экспертизе, проведенной при эксгумации 30 лет спустя, **его сразила пуля, вошедшая в область затылка справа, а вышедшая в области левой теменной кости.** В этот момент Щорс, находясь в окопе, поднес бинокль к глазам и смотрел в сторону противника. Вместе с ним в окопе были трое — заместитель Щорса И. Н. Дубовой, командир Богунского полка К. Ф. Квятек и уполномоченный реввоенсовета 12-й армии П. С. Танхиль-Танхилевич, которого прислал с инспекцией его начальник С. И. Аралов и которого называют вероятным исполнителем убийства.

Была под Коростенем и Фрума Хайкина, ставшая для Щорса постоянной спутницей. Щорс уделял ей столько времени, что в полку, как рассказывали, даже провели специальное собрание по поводу чрезмерного сердечного увлечения командира в ущерб службе. Из брянской Унечи Фрума вместе со Щорсом проследовала в Украину, где оставалась с любимым до его гибели. Точный ее статус в щорсовском подразделении неизвестен, но, вероятнее всего, она продолжала заниматься чекистской работой.

Потом Фрума Ефимовна жила некоторое время в Самаре, где почему-то муж был первоначально похоронен, а затем в Москве. Она получила образование в Московском высшем техническом училище и трудилась над претворением в жизнь плана ГОЭЛРО — участвовала в сооружении нескольких электростанций, после чего руководила строительством Уральского автозавода, работала в Москве на 1-м и 39-м авиазаводах.

После 1935 г., когда Сталин начал делать из Щорса «всенародно любимого героя», Хайкина, в качестве вдовы начдива, приняла в этой кампании самое активное участие. Ей даже предоставили квартиру в известном правительственном Доме на Набережной.

Большая Советская Энциклопедия в статье о кинорежиссере А. П. Довженко (1894—1956), которому Сталин посоветовал создать фильм о Щорсе, в 1952 г. писала: «Важнейшее значение для творчества Д. имели его личные беседы с И. В. Сталиным в 1935—36 гг. Великий вождь подал Д. мысль о воплощении в кино образа «украинского Чапаева» — Щорса. Раскрыв перед Д. различия в обстановке, в которой сражались оба эти героя гражданской войны, И. В. Сталин посоветовал Д. показать революционный украинский народ, особенности его национального характера, его юмор, песни, танцы. Д. успешно выполнил задание И. В. Сталина. В 1941 и 1949 гг. за создание кинокартин «Щорс» и «Мичурин» Д. награжден орденами Ленина и Красного Знамени». Потом был еще орден Трудового Красного Знамени за «Поэму о море» (посмертно).

«Щорс» вышел на экраны в 1939-м, и уже в следующем году заговорили о сооружении в Киеве памятника, но на пороге была война. По ее окончании совет Министров УССР 26 марта 1948 г. издал постановление о подготовке проекта памятника. И уже 13 января 1949 г. художественно-экспертный Совет Комитета по делам искусств УССР обсуждал проект, представленный М. Г. Лысенко. При этом рассматривались два варианта фигуры Щорса — пешая и конная, и два варианта места установки памятника — бульвар Т. Шевченко, где 25 декабря 1947 г., в день 30-й годовщины Советской Украины, уже заложили памятник, и площадь Л. Толстого, где в 1911 г. предполагался памятник Т. Шевченко.

Народная артистка СССР Наталья Ужвий (1898—1986) сказала: «Мне кажется, что место, где заложен памятник Щорсу, лучше, чем площадь Толстого, где авторы рекомендуют соорудить конный памятник. Следует подумать над тем, можно ли поставить его на бульваре Шевченко».

Искусствовед Сергей Раевский (1905—1980): «Скульпторы работали над памятником до войны, и тогда встал вопрос о сооружении монумента при въезде в город. Поэтому на бульваре Шевченко он больше подходит, чем на площади Толстого».

Заслуженный артист УССР Виктор Довбыщенко (1910—1953): «Первый вариант привлекает своей простотой, демократичностью, а одновременно и романтичностью. Однако конная статуя дает более яркий образ полководца».

Актер и режиссер А. М. Бучма (1891—1957) высказался за конную фигуру и отдельно отметил, что «следует внести одну деталь, очень нужную, бинокль».

Народному художнику СССР В. И. Касияну (1896—1976) понравились оба варианта, но предпочтение он отдал конному.

В заключение обсуждения главный архитектор Киева и соавтор памятника А. В. Власов (1900—1962) поблагодарил выступавших, но особо подчеркнул: «Установить конную статую на бульваре Шевченко нет возможностей из-за небольших габаритов этого места. Единственным реальным местом является площадь Толстого». В итоге совет постановил рекомендовать правительству установить конный памятник, однако без указания места.

Через месяц, 11 февраля, художественно-экспертный совет возвратился к обсуждению, но уже с конкретной формулировкой: «Проект памятника Щорсу для сооружения в Киеве на площади Толстого». Постановили: «Рекомендовать к сооружению». Но на этом обсуждения не завершились, и в итоге Щорс занял место Бобринского. Авторами памятника стали скульпторы М. Г. Лысенко, Н. М. Суходолов, В. З. Бородай и архитекторы А. В. Власов, А. И. Заваров.

P.S. В 1921 г. в столичном Харькове неожиданно обнаружились последователи Щорса в отношении к женщинам — Харьковский горком КП(б)У тоже издал постановление о запрещении женщинам ездить в автомобилях. Пришлось вмешаться Политбюро ЦК, которое своим решением от 23 июля 1921 г. предложило горкому отменить постановление и поручило НКВД разработать инструкции относительно пользования автомобилями, а секретариату ЦК — «дать циркуляр губкомам относительно борьбы с отношением к женщине как к низшему существу».

Изготовление бронзового памятника

Открытие памятника Н. А. Щорсу 29 апреля 1954 г.

Н. А. Щорс. 1916

Ф. Е. Ростова-Щорс. 1918 г.

Перезахоронение праха Н. А. Щорса в г. Куйбышеве 10 июля 1949 г. Слева направо: жена Щорса — Ф. Е. Ростова-Щорс, его дочь Валентина, сестра Ольга

КРЕАТИВ НАШИХ УЛИЦ

Антонина ***ТРОФИМОВА***

Рукописные страницы, которые вот-вот разлетятся от порыва ветра, скамейка в виде гигантских грабель, «забытых» посреди сквера, или летний кинотеатр, напоминающий выгнутый кадр кинопленки, — эти арт-объекты могут появиться в ландшафте Киева. А при большом желании и необходимых средствах украсят и любой другой город страны.

Украинские художники своими идеями опровергают знакомое изречение о музах, которые молчат под говор пушек. Пока страна находится в поиске себя, арт-деятели уже готовы высказаться в пользу красоты. Главное, что тормозит их творческую мысль, — отсутствие меценатов и неравнодушных, но состоятельных граждан, которые помогли бы материально.

Две сотни стульев

О том, что городская скульптура — важный элемент урбанистического пейзажа, привлекательный фон для фотосессий и необходимый для эмоциональной подпитки людей, знает Константин Скретуцкий. Этот неугомонный и плодовитый киевский скульптор заселил своим фантастическим зверьем столичную Пейзажную аллею и принялся за облагораживание другого городского пятачка, который напыщенно прозвали парком интеллигентов.

В апреле этого года на улице Гончара, 5-7 появилась новая арт-единица, созданная художником, — бронзовая сова. Эту птицу размером с человеческий торс поставили на бетонный пьедестал и надпись написали: «Интеллигенция воспитывает настоящее».

Надо понимать, изречение будет созвучно вибрировать со струнами культурной души, а может, и охоту вандалов к чуждому креативу отобьет. А к разрушителям памятников с опаской относятся не только в постсоветском пространстве. Даже в благополучных с незапамятных времен странах с европейскими ценностями эту силу стараются упредить. В первую очередь адекватными мерами за порчу имущества. Во вторую — нормами морали, взращенными в семье.

В Цюрихе (Швейцария), например, в середине марта установили экспериментальный городской объект: на площади Зехселойтенплац появилась сотня металлических стульев и две огромные деревянные скамьи размером 12 и 38 метров. В чем опыт? В том, что только 90 стульев связаны попарно стальными тросами, а десяток для удобства отдыхающей публики вообще не имеют какого-либо антивандального крепления.

К слову, если вы бывали в Люксембургском саду Парижа, то наверняка смогли бы заметить сходство с цюрихскими стульями. Эта модель называется Luxembourg и весит 8 кг.

«Мы понимаем, что стулья могут оказаться предметом вандализма или кражи. Но в парках других городов подобные проблемы не возникают, и теперь мы хотим проверить, будет ли функционировать такая система на Зехселойтенплац», — убежденно говорит Штефан Хак, представитель ведомства подземного строительства Цюриха.

На случай, если все же вандалы не будут дремать и свершат свои гнусные деяния, ведомство уже разработало альтернативные варианты крепления. Как и положено форсмажору, применят их при крайней необходимости.

Конечно, тут можно посоветовать взять за идею композицию украинца Владимира Белоконя, который придумал скульптуру стульчиков, сидящих на скамейке (стоит в киевском Пассаже). Можно установить сто стульев поверх лавок. В этом случае арт-объекты останутся произведением искусства и будут представлять собой спаянное целое, к которому трудно найти подход и применить силу. С другой стороны, количество сидячих мест на цюрихской площади уменьшится в разы.

Впрочем, администрация швейцарского кантона уверена в успехе эксперимента. «Ежедневно наши работники убирают площадь. Тем не менее у нас нет людей, целенаправленно охраняющих стулья. К тому же только на одном здании установлена видеокамера, но мы не рассматриваем ее в качестве камеры видеоконт-

Пожалуйста, см. начало на стр. **C1**

Мария ***БЕЗЧАСТНАЯ***

Не стоит статуя на месте

События последних месяцев превратили даже такой инертный и аполитичный город, как Одесса, в место массовых митингов и жарких споров как на общественном, так и на бытовом уровне. Родственники ссорятся, друзья требуют пояснить позицию по событиям в Крыму, даже проходя по улице или одному из городских рынков, отовсюду можно услышать: «Майдан, Крым, сепаратизм» и прочие ставшие такими популярными в последнее время слова. Сложно представить, что еще совсем недавно одесситы почти так же упорно спорили о кажущихся неважными сейчас вещах, например, о том, как должен выглядеть памятник Исааку Бабелю или где нужно поставить статую меценату Маразли. Но время пройдет, жизнь, хочется верить, вернется в обычное русло, и можно будет снова посмотреть по сторонам и заняться благоустройством любимого города, который каждый видит по-своему.

Как ни странно, в Одессе не так много памятников, возраст которых перевалил хотя бы столетний рубеж. Зато те, что есть, давно стали символами города — это и знаменитая статуя Дюка де Ришелье возле Потемкинской лестницы, и монумент градоначальнику графу Воронцову, и фонтан, посвященный Пушкину, на Думской площади, «новый старый» памятник Екатерине II и основателям Одессы, вновь установленный на Екатерининской площади. Современные произведения вряд ли могут похвастать таким же вниманием туристов и любовью одесситов. Но так как известных людей, живших или работавших в Южной Пальмире, было немало, городским деятелям есть где развернуться.

Чтобы возвести очередной монумент и поставить галочку в своем послужном списке, они не учитывают ни мнения жителей города, ни эстетическую составляющую. Поэтому в последние годы установка памятников в Одессе проходит по одной схеме — художественный конкурс, оставляющий сомнения, презентация проекта, возмущение недовольных одесситов, сбор подписей против новой затеи. Но в итоге — возведение и открытие. Горожанам остается только смириться с очередным «шедевром» и придумывать ему забавные прозвища.

Так было, например, с памятником Исааку Бабелю, установленным в 2011 г. у школы №117, и с монументом Владимиру Высоцкому возле Одесской киностудии. Бабель здесь, по мнению критиков, походит не на искрометного писателя, «отца» Бени Крика, а на нищего, просящего милостыню. Хотя по сравнению с Высоцким он совсем неплох. Памятник последнему (то ли распятому на кресте, то ли прибитому к парусам) был сооружен во время минувшей избирательной кампании на средства будущего депутата, хотя и вызвал единогласное неодобрение одесситов.

Конечно, о вкусах не спорят, но в конкурсе участвовали более интересные работы. Например: Владимир Семенович, небрежно прислонившийся к перилам, будто по дороге на съемки решил остановиться и покурить. Или макет, на котором бард стоит возле стены, отбрасывая «жегловскую» тень в шляпе и плаще. С другой стороны, надо сказать спасибо, что победу не присудили работе, занявшей второе место, — Владимир Высоцкий в образе мускулистого кентавра, разрывающего гитару руками.

Эта история ни для кого не стала уроком и недавно повторилась. На сей раз яблоком раздора стал монумент скрипачу и дирижеру Давиду Ойстраху. Как и в случае с Высоцким, уже сам макет вызвал шквал критики. Решение об установке памятника великому одесситу на Театральной площади, прямо у Оперного театра, было принято еще в 2008 г. Но тогда что-то не сложилось, и о проекте на какое-то время забыли. Лишь в 2011 г. исполком снова вернулся к решению об установке, но уже на Сабанеевом мосту, возле музыкальной школы Столярского. Наконец, в 2012-м после очередного голосования горсовета предпочтение вновь было отдано Театральной площади.

Памятники, как в сказке о Нильсе и диких гусях, любят гулять по ночам и остаются там, где их застал рассвет

Граф Воронцов на Соборке

В этих метаниях нет ничего удивительного. В Одессе даже установленные памятники часто кочуют с места на место. Они, как в сказке о Нильсе и диких гусях, любят гулять по ночам и остаются там, где их застал рассвет. Памятник матросам броненосца «Потемкин» перенесли ко входу в порт, освободив место для монумента основателям Одессы.

Статую мецената XIX в. Григория Маразли в 2004 г. установили в самом сердце города, на Греческой площади. Здесь, в центре масштабной колоннады, он недолго красовался. Уже через 4 года памятник переставили на тихую улицу Маразлиевскую несмотря на недовольство греческой общины (на чьи средства и был установлен памятник).

Скульптурная композиция, посвященная апельсину, появилась в городе как раз после «оранжевой» революции. И хотя авторы хотели увековечить анекдотический эпизод из истории Одессы (якобы разрешение на закладку порта дали за взятку — ящик апельсинов), горожанам памятник не приглянулся. И скульптуре пришлось сменить прописку — променяв центральное место возле